

**You have downloaded a document from
RE-BUŚ
repository of the University of Silesia in Katowice**

Title: Azyk, politika i dejstvitel'nost' : neskol'ko obsih slov v zaklucenie

Author: Petr Cervinskij

Citation style: Cervinskij Petr. (2015). Azyk, politika i dejstvitel'nost' : neskol'ko obsih slov v zaklucenie. W: A. Charciarek, P. Czerwiński (red.), "Oblicza przeciwnika : język a rzeczywistość w kategoriach ekspresji, polityki, ideologii " (S. 223-231). Katowice : Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego

Uznanie autorstwa - Użycie niekomercyjne - Bez utworów zależnych Polska - Licencja ta zezwala na rozpowszechnianie, przedstawianie i wykonywanie utworu jedynie w celach niekomercyjnych oraz pod warunkiem zachowania go w oryginalnej postaci (nie tworzenia utworów zależnych).

UNIwersYTET ŚLĄSKI
W KATOWICACH

Biblioteka
Uniwersytetu Śląskiego

Ministerstwo Nauki
i Szkolnictwa Wyższego

Язык, политика и действительность: несколько общих слов в заключение

Затрагивая вопросы соотношения языка и действительности, необходимо, прежде всего, отдавать себе отчет в том, о каком языке и какой действительности в том или ином случае идет речь. Обычный, казалось бы, на первый взгляд, вопрос, не требующий, в принципе, никаких дополнительных пояснений, поскольку действительность воспринимается, если не понимается, как реальность, в которой находятся все живущие в данном месте в данный момент, т.е. пространство и время совместной жизни, а язык — как то орудие, тот инструмент, которыми всё те же там же и тогда же живущие пользуются при общении между собой. Язык и действительность, в своей неразрывной во многих смыслах и отношениях совокупности, предстают для каждого из таких живущих средой, в которой, живя, находясь, существуя, каждый из этих живущих, воспринимая их как само собой разумеющееся, не отделяя нередко одно от другого, также нередко, если не как правило, не воспринимает, не чувствует и не видит. Подобное утверждение, с одной стороны, требует своего объяснения, а с другой, уточнения в неизбежных деталях, с возвращением к сказанному, — о какой действительности и о каком языке идет речь, если то и другое, являясь средой, оказывается за пределом рефлексии, должной оценки и восприятия.

Действительность, о которой речь, а также язык ее, этой самой действительности, как реальность совместно-общественного существования и бытия, отчасти, а может даже во многом, предстает для сознания каждого в неразрывной, неразделенной, а потому и не различаемой, связи того, что реально, того, что от языка, и того, что от мировоззрения и идей. Слова языка оформляют все это вместе и совокупно. При всяком таком обозначении и употреблении сказанное передает не то, что *реально* «реально», а то, что

реально в действительности совместного бытия, а эта действительность не различает в себе три указанных своих составляющих, представляя их как единое смысловое целое в его парадигматике и синтагматике. Возможно, это особенность человеческого социализированного взаимодействия и бытия, при котором и в результате которого сложилось такое положение вещей, когда сказать что-либо что бы относилось к чему-либо одному без другого оказывалось все более сложным, если вообще достижимым. Возможно, это особенность, которую для целей намеренного воздействия на других начав когда-то использовать, человек говорящий, *homo loquens*, довел, если не до уровня совершенства, то, по крайней мере, до степени для него достаточной всякий раз полноты, подчинив таким языком не только язык, но с ним и через него отражаемую (запечатлеваемую) действительность, а с нею и мысль.

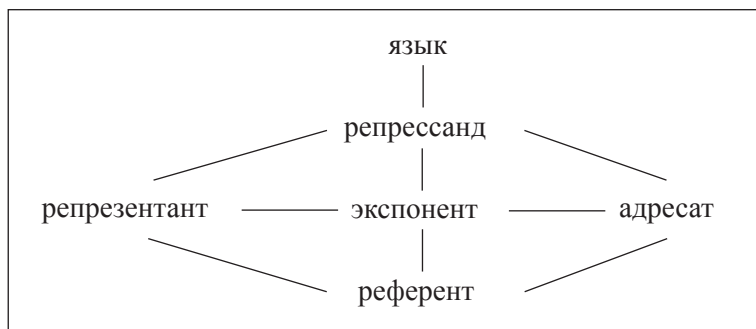
Сказанное будем рассматривать не как самостоятельное утверждение, но как исходное, как постулат для дальнейшего, с тем чтобы в этом дальнейшем постараться увидеть что-то из этого сказанного и одновременно что-то свое. Речь пойдет о той проекции, скажем так, языкового и речевого использования, которая предполагает возможность, точнее, способность не укрываемой оценки, но не чего-либо там, а *другого*, того, кто другой. Взаимодействие, коммуникация подобного рода, тем самым, предполагает как минимум трех соучастников (точнее было бы говорить *сопричастствующих*) — того, кто говорит, того, к кому обращаются, и того, о ком говорится (этот самый *другой*). К этим трем, в условиях современного (впрочем, не только) коммуникативного взаимодействия, публичного и общественного, не межличностного, следовало бы добавить еще одного — того, от лица которого и/или в интересах которого говорится.

Коммуникативный акт, как это традиционно определяют, обращается, следовательно, вокруг четырех позиций, две из которых имеет смысл полагать как явные (объявляемые, проявляемые), две других — как не обязательно объявляемые, в разной степени и в различном виде отображаемые либо не отображаемые, впечатление от которых может, в зависимости от характера представления, сразу себя и по-разному, либо только впоследствии, объявить или, опять же, не объявить.

В этом и состоит специфика данного вида коммуникативного акта, обращаемого вокруг четырех, по-разному себя в нем отражающих, коммуникативных позиций — субъекта, выступающего в функции говорящего, т.е. как экспонент, субъекта (или субъектов), выступающего в роли воспринимающего, того, к кому обращаются с речью, определяемого как адресат, он же реципиент, субъекта (или субъектов), о котором говорят либо не говорят, но, не говоря о нем, его (или их) непосредственно либо косвенно подразумевают, как объекта прямой либо скрытой (отсюда, как следствие, *не укрываемой*) оценки, определим его термином репрессанд, как того или тех, кого данного рода оценкой общественно 'изгоняют' и 'по-

давляют', стремясь 'оттеснить', 'сдержать', 'обуздать'¹, субъекта (нередко группы субъектов), от лица которых и/или в интересах которых экспонент выступает, назовем его репрезентант.

Две первых позиции будут явными и открытыми, две вторых — не обязательно таковыми. Ролевые соотношения, характер распределения смыслов могут быть разными, укладывающимися в какие-то типологические и не случайные по этой причине, комбинаторные проявления. Однако в любом из этих случаев можно было бы говорить о взаимодействии, отраженном в такой приблизительно схеме:

Репрезентант, скрыто либо не скрыто воздействуя на экспонента, заинтересован в подавлении, нейтрализации, «репрессии» репрессанда, в которой тот же репрезентант относится как-то к внешнему в референте, в котором склонен и заинтересован обозревать изменения, достигаемые в свою пользу через проявление экспонента в его направленности на адресата. Адресат же потенциально играет, по замыслу должен играть, роль того, кого побуждают, организуют, подводя его к мысли либо только импульсу в отношении предполагаемого (желательного для репрезентанта) проявления в деятельности. Адресат, тем самым, выступает в роли реактивируемого при коммуникативном взаимодействии компонента.

За всем этим стоит, как мера, точка отсчета, объективный (внешне) критерий и референт (компонент отнесения), та действительность, о которой речь, т.е. действительность отражения и отображения — общественных ценностей и представлений, выступающая более в роли и качестве того, чем живут, и несколько менее того, в чем живут, представители данного социума и коллектива. Действительность эта интерпретируется и препарируется, с одной стороны, обладая способностью, поддаваясь тому и друго-

¹ Лат. *reprimō, repressum* 1) прогонять, оттеснять; отражать; 2) сдерживать, удерживать, останавливать; 3) подавлять, обуздывать; умерять, замедлять или прекращать, — в этих своих значениях очень подходит к смыслу производимой над данным объектом 'не укрываемой' оценки.

му, менять свой характер и облик не только со временем, но и, в каких-то деталях, случается, что на глазах. И она же, эта действительность, с другой своей стороны, обладает способностью интерпретировать и препарировать внутренний облик воспринимающего, не только в части сознания, обуславливая не только его представления «о жизни и о себе», но и его самого, инкорпорируя в нем, перенося его, «телепортируя» в какие-то мнимодействительные, представляющиеся ему действительными, состояния. Более значимые и более действительные для него, чем не мнимодействительные и не мнимореальные. Обладая подобной способностью, такая действительность начинает строить действительность окружения, вторгаясь в нее, подчиняя и замещая собой. Достигается все это с помощью языка, при его воздействующем, вмешивающемся и регулирующем посредстве.

Снимается все это нагромождение, как действующее и управляющее, способно, точнее было бы говорить, сниматься, несовпадениями, распадлениями и расхождениями оценочно-интерпретирующих субъектно-инкорпорирующих сфер в устройстве самой отображаемой референт-действительности. Полифонизм, или множественность, многоголосие, ино-родность и разнородность того фермента, который организуется, следует из участия экспонента, за которым скрывается распорядитель-репрезентант, который не всегда однообразен и далеко не всегда един. Множественность не совпадающих, а нередко и противоречащих, интересов нейтрализует возможность преобразования действительности по какому-то общему образцу. Единой телепортации не получается, телепортации не происходит вообще никакой, и в этом, собственно, состоит невозможность реального достижения идеалов тоталитаристских и фундаменталистских воздействий на окружение. Достигаемые языком изменения происходят и остаются в «действительности языка», без возможности их перенесения в действительность реального существования. С изменением по каким-то причинам этой самой «действительности языка» ничего фактически не изменяется, потому что фактически ничего такого и из такого в реальной действительности не имело места. Фантомы действительности уходят, иногда заменяясь одни другими. Но остается ли при этом действительность не искаженной или меняется при искажении? Во всяком случае, она никогда не бывает такой, как о ней заявляется и какой ее склонны были бы видеть и находить.

Вращаясь и оставаясь в «действительности языка», неизбежно приходится говорить о политике. Если задуматься над характером отношения политического воздействия на умы (чтобы не пользоваться определением 'общественное сознание', поскольку тогда бы следовало говорить о каком-то единстве, а переход к полифонии был уже обозначен), то неизбежно придется выйти в область препятствующих друг другу субъектов. Политика, будучи сферой борьбы интересов и целей, имея характер вроде бы массовый и групповой, находит свое выражение, входит в сознание и умы, ассоцииру-

ясь с деятелями и лидерами партий, движений и направлений. Деятели эти, лидеры партий и направлений используют средства борьбы противников для достижения своих интересов и целей. Средства борьбы одних становятся средством борьбы для других, в аспекте и повороте, следовало бы добавить, разоблачений и обвинений. Противник, политический и идейный противник разоблачается и обвиняется как репрессанд, в первую очередь, с точки зрения применяемых, используемых, предлагаемых им средств — достижения того общего блага для всех, которое, будучи объявляемой конечной целью, сомнению, как цель политическая, обычно не подвергается.

Представим, очень просто и коротко, общественный политический механизм, для того только, чтобы увидеть в нем затронутые нами положение и роль обвиняющего и обвиняемого. Политику определяют как деятельность а) управляющих, тех, что стоят у власти, и б) не управляющих, но (обычно) стремящихся к этому, по организации и устройству правил общественной жизни, имеющих смыслом и целью какой-то удобоваримый, приемлемый либо задуманный и предлагаемый оптимум социальных и государственных отношений.

Борьба, о которой речь, способна производиться и производится как в среде управляющих, тех, что стоят у власти (а), так и в среде не управляющих, стремящихся и не стремящихся (б), равно как между этими первыми и вторыми, от первых ко вторым ($a > б$) и от вторых к первым ($a < б$). Очевидная общая цель — оптимум социальных и государственных отношений, становится средством представленной в каждом пункте борьбы, а как такое средство, она используется для того, чтобы показать несостоятельность противника, его неспособность и несоответствие цели. То, что и как делает, как предлагает делать противник, по словам экспонента, с подачи репрезентанта, проявляет признаки его недееспособности, непригодности (противник всегда 'негодяй' в первоначальном значении этого слова), в конечном счете, его 'недействительности' в отношении существующей либо ставящейся как достигаемая цель действительности. Противник, тем самым, в конечном счете, не просто нейтрализуется, но исключается, элиминируется из того, что он предлагает и/или способен, намеревается предложить. Репрессанд, иными словами, репрессируется общим для всех, выдаваемым, предлагаемым как таковой, референтом. Осуществляется все это экспонентом в интересах стоящего за ним репрезентанта.

Из этого следует, что действительность-референт, действительность, воплощенная в языке, становится прямо и косвенно средством оценки и обвинения идеологического и политического противника. Из этого также следует, что для того, чтобы происходящее в этой борьбе (и не только) понять, необходимо увидеть и осознать, чем является, чем предстает эта оценивающая и осуждающая в устах экспонента действительность, говорящая многогласием его словами и его языком.

Представая в его устах, действительность эта оказывается не только средством негативной оценки, неприятия-исключения и обвинения противника, но и средством создания (продукции, генерации) себя самой и воздействия (перцепции), через этот продукт, на сознание адресата. Обвиняя противника, говорящий винит его в несоответствии той действительности, которую он, продуцируя, создает. Борьба принимает характер воздействия на адресата через референт-действительность, действительность отнесения, в которой противнику отводится место антигероя, отрицательного примера, неподходящего образца, негатива, в котором он выступает а) не способным ничего продуктивного предложить, б) ниспровергателем и деструктором созданного и существующего («пóтом и кровью» борцов и предшествующих поколений), в) нарушителем правил, дестабилизирующим имеющийся и/или достигнутый кем-то раньше порядок. Вращается все это, следовало бы, добавив, сказать, вокруг действительности, создаваемой в говорении языком, существующей в общем сознании в парадигмах и правилах «языка». В связи с чем возникает вопрос неизбежно и о *языке*. Политический ли это язык, язык ли политики или политиков, как в последнее время принято стало все это подразделять?

Прежде всего, это был бы язык, который имеет смысл рассматривать в категориях почвы, точнее среды, формирующей и воспитующей (сюда также питающей) представления, общие либо, по крайней мере, понятные, если и не признаваемые для себя, всеми теми, кто находится и живет, поддаваясь воздействию со стороны экспонента, проецирующего весь перед этим нами представленный политический механизм. Это язык в понимании общих коммуникативных, наружу себя проявляющих, данному социуму свойственных, объявлений, воспринимаемых и оцениваемых с позиции значимости, весомости, аргументативности, ценности, перспективы. Иными словами, это язык общественно ценностных, признаваемых общественно ценностными, обозначений.

Это по-своему авторитарный язык, понимая под термином 'авторитарный' значимый статус общественного положения и бытия, который дает основание требовать и предлагать, в своем аргументно-квалитативном императиве и воодушевляющем, витализирующем, оптативе. Это язык, в этом смысле, если не всегда субъектной, то всегда субъективной, модальности, исходящей (изошедшей) от, если не благодетеля, то благожелателя общественной жизни и бытия. Под таким благожелателем (благодеятелем) следует понимать не обязательно и не единственно то или иное историческое, легендарное или мифологическое лицо, но субъектную суть ее (общественной жизни) существа как проектора и репродуктора. Иными словами, это та категориальная, отвлеченная, самость характеризуемого явления, которая, составляя «его» себя самоё, управляет внешним и внутренним ладом и миром, универсумом социальной совместной жизни. Без нее, без этой скры-

той, но всегда себя проявляющей «благодетельной» самости, невозможно было бы говорить об организованном и к чему-то стремящемся (либо не стремящемся в какие-то глухие моменты) общественном состоянии.

Языком же все это является потому, что устроено и работает как язык, с категориями, единицами, формами, смыслами, парадигмами и синтагмами языка, воздействуя «языком» на сознание и входя в него, в это сознание, как, в том числе и его (т.е. сознания), язык. Этот язык и с помощью этого языка создается и далее воспроизводится, распространяясь и изменяясь, по мере не только общественной надобности, действительность-референт, которая в этом смысле представляется не чем иным, как объективной частью модальности субъективного, ее проекцией, выносимой вовне.

В определенном смысле этот общественной жизни и бытия оценочно-концептуальный язык, строящий мир, представления о мире и его же затем оценивающий с позиции соответствия либо несоответствия тому, что построено, можно определять и рассматривать, но не как функцию, не как узус и проявление, но как модус, точнее модуль, национального языка, входящий в него и от него исходящий. Политики со своим политическим языком (политическими языками), входя в этот модуль, выступая в нем пользователями, отличаются от всех остальных, также пользователей, в том числе и их политическим языком (языками), тем, что пытаются, задавая тон, языком этим, но не управлять, а, используя, себе подчинять, с помощью серий комбинаторных приемов. Перестановки, переакцентировки, вынесения и отнесения, перераспределения порядков, значений и планов, — все это, а также другое, изобличает и отличает язык политики от социально-оценочно-концептуального субъективно-модальностного языка, языка-основы и языка-среды общественно-политического существования и взаимодействия.

Противник, тот, кого обвиняют и осуждают, по отношению к этому языку, объемлющему всех и вся, из действия этого языка и самого этого языка при всем этом не исключается. Исключение, или отлучение, его от него сделало бы невозможным по объективным причинам, желательную как негативная, оценку. Оценка эта над ним производится в отношении и с позиции референта, действительность (как продукт языка) осуждает его и действительностью он становится осуждаем, из которой может по этой причине и хорошо бы, чтобы был, исключен. Известное из советского прошлого заявление «Таким нет места в наших рядах!», подразумевая под рядами построенную, пусть только в воображении, действительность, неизбежно будет присутствовать, открыто и прямо либо в не укрываемой (не чересчур укрываемой) мысли оценочно-экспрессивного обвинения.

Экспрессия в этом случае, сочетаясь с политикой, в том смысле, что, следуя из политики, руководствуясь ею, нередко ею же, т.е. политикой, руководит, через авторитаризм аргументного императива в воодушевляющем

оптативе, как следствие всем известного «право имею», взятого на себя. Становясь экспрессией репрессива, она апеллирует к идеологии, которая есть не что иное, как модуль, субъектный, субъективистский нередко, модуль действительности, но не как действительности, а как „языка”. В том отношении, что служит средством воздействующего и однонаправленного, как правило, по этой причине общения одного (одних) на других через негативно оцениваемый, а потому и, как следствие, исключаемый как негодный и неспособный для подражания образец.

Экспрессия, следующая из политики, задействуемая в политике, являясь развитием, средством и воплощением каких-то идей, мотивируемая и подержанная идеологией, опирающаяся на нее, такая экспрессия, будучи, как любая экспрессия по существу своему субъективна, объективно, выступая от имени и лица социального «благодетеля» и «благодателя», на деле оказывается авторитарной и репрессивной. Политика в этом ряду становится средством внедрения идеологии, по отношению к которым экспрессия проявляет себя как орудие, нацеливаемое, наводимое и ударяющее в идейного как в политического, в основном и прежде всего, противника. Нередко также как во врага, со всем из этого с его немилосердием и беспощадностью следующим. Таков, в известном не слишком гуманном и сложном аспекте и смысле, тот механизм и непритязательный вывод-итог, который можно было извлечь, увидев его воплощение в исследованном и описанном нами материале.

Пётр Червинский